

НОВЫЕ ЭПИГРАФИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ (TABULA BANASITANA) И ЭДИКТ КАРАКАЛЛЫ О РИМСКОМ ГРАЖДАНСТВЕ*

Латинская надпись, найденная в североафриканской Банасе (Tabula Banasitana) и известная с 1961 г.¹, представляет собой копию распоряжений римской императорской канцелярии, относящихся к 168 и 177 гг., о пожаловании римского гражданства вождям (или одному и тому же

* *От редакции.* Публикуемая статья, не так давно подготовленная к печати автором, выходит в свет посмертно. Лев Андреевич Ельницкий (1907—1979) активно и постоянно сотрудничал в ВДИ с самого первого его номера (1937, № 1), где была напечатана его статья «Новый источник географии Северного Причерноморья». В 40-е годы он стал деятельным участником капитального предприятия — переиздания (в отделе Приложений ВДИ) латышевского свода Scythica et Caucasia, выверив и дополнив его научный аппарат. В том же отделе Приложений появилась и последняя прижизненная публикация Льва Андреевича в ВДИ, тоже ставшая вкладом в коллективный труд, — его комментированный перевод двух трактатов из «Моралий» Плутарха (1978, № 3—4; 1979, № 1). В своей научной работе Л. А. Ельницкий исходил из стремления понять античный мир на всем протяжении его развития как некую сложную, состоящую из взаимосвязанных и взаимопротиворечивых элементов, историческую и культурную целостность, отсюда — редкая широта его интересов. Его привлекали вопросы социальной динамики древнего общества, которым посвящена его книга «Возникновение и развитие рабства в Риме в VIII—III вв. до н.э.» (М., 1964). Другие работы Л. А. Ельницкого посвящены истории древней географии («Знания древних о северных странах», М., 1961; «Древнейшие океанские плаванья», М., 1962) и скифоведению («Скифия евразийских степей», Новосибирск, 1977). Многочисленные (более двухсот) статьи Льва Андреевича связаны как с названными отраслями антиковедения, так и с другими: этрускологией, историей мифологии и древних религий, итало-греческих культурных связей и т. д. Самые различные актуальные вопросы нашей науки находили в работах Л. А. Ельницкого заинтересованный и живой отклик. Пусть эти немногие слова, сопровождающие статью, будут нашей благодарной данью памяти товарища по долголетней совместной работе.

¹ W. S e s t o n, M. E u z e n n a t, La citoyenneté romaine au temps de Marc Aurèle et de Commode d'après la *Tabula Banasitana*, CRAI, 1961, стр. 317—323; о н и ж е, Un dossier de la chancellerie romaine, la *Tabula Banasitana*, étude de diplomatique, CRAI, 1971, стр. 468—490.

вождю, вкупе с женами и детьми) племени зегрензов, обитавшего на территории провинции Мавретании Тингитаны.

Текст надписи, дошедший до нас на большой (более полуметра) бронзовой пластине, содержит выписки из двух императорских писем (первое — Марка Аврелия и Луция Вера, второе — Марка Аврелия и Коммода), а также из архивного документа императорской канцелярии, составляя в общей сложности 52 строки. Приводим полностью текст и перевод надписи ².

Exemplum epistulae Imperatorum nostrorum An[toni]ni et Veri Augustorum ad Coiledium Maximum. | Li[bellu]m Iuliani Zegrensis litteris tuis iunctum, legimus, et | quamquam ciuitas romana non nisi maximis meritis pro[u]ocata in[du]lgentia principali gentilibus istis dari solita sit, | tamen cum eum adfirmes et de primoribus esse popularium | suorum, et nostris rebus prom[iss]o obsequio fidissimum, nec multas familias arbitramur(?) aput Zegrenses paria poss[ess]e de officiiis suis praedicare quamquam (?) ³ plurimos cupiamus honore a nobis in istam domum conlato ad aemulationem Iuliani excitari, non cunctamur et ipsi ⁴ Ziddinae uxori item | liberis Iuliano, Maximo, Maximino, Diogeniano, civitatem | romanam, saluo iure gentis, dare.

Exemplum epistulae Imperatorum Antonini et Commodi Augustorum) ad Vallium Maximianum: | legimus libellum principis gentium Zegrensiu[m], animadverti[m]usq[ue] quali fauore Epidi Quadrati praecessoris tui iuuetur proinde et illius testimonis et ipsius meritis et exemplis quae allegat permoti, uxori filiisq[ue] eius ciuitatem romanam, sel[u]o iure gentis, dedimus quod ⁵ in commentarios nostros referri | possit, explora quae cui[us]q[ue] aeta[s] sit, et scribe nobis.

Descriptum et recognitum ex commentario ciuitate romana | donatorum diui Aug[ust]i et Ti[ber]i Caesaris Aug[ust]i et C[ae]sar[is] Caesaris, et diui Claudi, | et Neronis, et Galbae, et diuorum Aug[ust]i Vespasiani et Titi et Caesaris | Domitiani, et diuorum Aug[ust]i Ner[ulae] et Trai[an]i Parthici, et Trai[an]i Hadriani, et Hadriani Antonini Pii, et Veri Germanici Medici | Parthici Maximi, et Imp[er]atoris Caesaris M[arc]i Aureli Antonini Aug[ust]i Germa[n]ici Sarmatici, et Imp[er]atoris Caesaris L[uc]ii Aureli Commodi Aug[ust]i Germanici Sar[mat]ici, quem protulit Asclepiodotus lib[er]tus id quod i[n]fra s[cri]ptum est.

Imp[er]atore Caesare L[uc]io Aurelio Commodo Aug[ust]o et M[arc]o Plautio Quintilio co[n]sulibus, p[ro]ridie non[is] Iul[ias], Romae. Faggura uxor Iuliani principis Zegrensiu[m] ann[orum] XXII, | Iuliana ann[orum] VIII, Maxima ann[orum] IV, Iulianus ann[orum] III, Diogenianus ann[orum] II, liberi Iuliani s[up]ra s[cri]pti.

Rog[atu] Aureli Iuliani principis Zegrensiu[m] per libellum suffragante Vallo Maximiano per epistulam, his ciuitatem romanam de | dimus, saluo iure gentis, sine diminutione tributorum et vect[ig]alium populi et fisci.

Actum eodem die ibi isdem co[n]sulibus
Asclepiodotus lib[er]tus recognoui.
signauerunt:

² По ст. А. N. Sherwin-White, The Tabula of Banasa and the *Constitutio Antoniniana*, JRS, 63, 1973, стр. 86—98.

³ Издатели предлагают читать quamque.

⁴ Судя по смыслу контекста следует читать ipsi et.

⁵ Быть может, quo id. См. указанную выше работу А. Н. Шервин-Уайта, из которой заимствован текст надписи.

- M(arcus) Gau[il]us M(arci) f(ilius) Pob(lilia tribu) Squilla Ga[ll]licanus
 M(arcus) Acilius M(arci) f(ilius) Gal(eria) tribu) Glabrio
 T(itus) Sextius T(iti) f(ilius) Vot(uria tribu) Lateranus
 45 C(aius) Septimius C(aii) f(ilius) Qui(rina tribu) Severus
 P(ublius) Iulius C(aii) f(ilius) Ser(gia tribu) Scapula Tertul[li]us
 T(itus) Varius T(iti) f(ilius) Cla(udia tribu) Clemens
 M(arcus) Bassaeus M(arci) f(ilius) Stel(latina tribu) Rufus
 P(ublius) Taruttienus P(ubl[i]i) f(ilius) Pob(lilia tribu) Paternus
 Sex. nis
 50 Q(uintus) Cervidius Q(uinti) f(ilius) Arn(ensi tribu) Scaeuola
 Q(uintus) Larcus Q(uinti) f(ilius) Qui(rina tribu) Euripianus
 T(itus) Fl(auius) T(iti) f(ilius) Pal(atina tribu) Piso.

Перевод. «Копия письма императоров наших Антонина и Вера Августов Койэдию Максиму. Прощение Юлиана Зегренза, присоединенное к твоему письму мы прочли, и, хотя римское гражданство обыкновенно дается [людям из] этих племен не иначе как по причине
 5 большому заслуг милостиво императора, однако, так как ты утверждаешь, что этот человек принадлежит к знатнейшим [среди] его соплеменников, и, [как показывает его] готовность к повиновению, наш надежнейший сторонник, и мы полагаем, что немногие семьи зегрензов могут сказать подобное о своем усердии, желая честью,
 10 оказанной нами этой семье, побудить к подражанию Юлиану многих [других], не медлим даровать римское гражданство ему [и] его жене Зиддине, а также детям: Юлиану, Максиму, Максиминому, Диогениану с сохранением племенных прав⁶.

Копия письма императоров Антонина и Коммода Августов Вал-
 15 лию Максимиану. Мы прочли прошение вождя родов зегрензов и обратили внимание на то, каким расположением твоего предшественника Эпидия Квадрата он пользовался, а потому, побужденные и свидетельством последнего, и собственными заслугами этого человека, и приложенными документами, мы жалуем жене его и детям
 20 римское гражданство с сохранением племенного права, что дозволяется занести в наши записи⁷. Выясни, кто из них какого возраста и напиши нам.

Выписано и заверено по записям дарователей римского гражданства божественного Августа и Тиберия Цезаря Августа и Гая Цезаря,
 25 Августов Веспасиана и Тита, и Цезаря Домициана, и божественных Августов Нервы и Траяна Парфянского, и Траяна Адриана, и Адриана Антонина Пия, и Вера Германского Мидийского Парфянского

⁶ Подобная оговорка была необходима ввиду того, что приобретение римского гражданства *de iure* было некогда связано с утратой иноземного гражданства со всеми его правами и обязанностями (C i s., Pro Caec. 101; Pro Balbo, 28). Однако в эпоху Августа это было уже не так, и паломники, приобретавшие римское гражданство, могли сохранять свои гентильно-общинные преимущества, вытекавшие из местного права, как об этом свидетельствует III эдикт Августа из Кирены (FIRA, I, стр. 408).

⁷ Хотя перечень императоров, при которых велись эти протоколы, начинается с Октавиана Августа, отсутствие в нем имен Оттона и Вителлия убеждает первоиздателя надписи (см. прим. 1) в том, что фактически начало их составления должно быть отнесено к Веспасиану. Однако указанные два имени могли быть пропущены из-за кратковременности правления их носителей и отсутствия соответствующих записей в протоколах. Во всяком случае на подобные протоколы ссылается император Траян в письме к Плинию Младшему (X, 105). *Tabula Banasitana*, по мнению Шервин-Уайта (ук. соч., стр. 91), убеждает тщательностью оформления акта дарования гражданства в том, что факт его присвоения паломникам в эпоху позднего принципата отнюдь не может считаться не имеющим серьезного политического значения, как это нередко полагают.

Великого, и императора Цезаря Марка Аврелия Антонина Августа Германского Сарматского, и императора Цезаря Луция Аврелия Коммода Августа Германского Сарматского, каковые [записи] выдал отпущенник Асклепиодот, нижеследующее:

В консульство императора Цезаря Луция Аврелия Коммода Августа и Марка Плавция Квинтилия ⁸, накануне июльских нон, в Риме.

Фаггура, жена Юлиана, вождя [племени] зегрензов, 22 лет, Юлиана 8 лет, Максима 4 лет, Юлиан 3 лет, Диогениан 2 лет, дети вышеупомянутого Юлиана.

По ходатайству Аврелия Юлиана, вождя [племени] зегрензов, изложенному в прошении и поддержанному письмом Валлия Максимиана, мы пожаловали им римское гражданство с сохранением племенного права, без уменьшения податей и налогов [причитающихся] народу и фиску ⁹. Дано в тот же день, при тех же консулах. Заверил отпущенник Асклепиодот.

40 Подписали:

Марк Гавий, сын Марка, триба Публилия, Сквилла Галликан
Марк Ацилий, сын Марка, триба Галерия, Глабрион

45 Публий Юлий, сын Гая, триба Сергия, Скапула Тертулл
Тит Секстий, сын Тита, триба Вотурия, Латеран

Гай Септимий, сын Гая, триба Квирина, Север
Тит Варий, сын Тита, триба Клевдия, Клеменс
Марк Бассей, сын Марка, триба Стеллатина, Руф
Публий Таруттиен, сын Публия, триба Публилия, Патерн
Секст нис

50 Квинт Цервидий, сын Квинта, триба Арнензис, Сцевола
Квинт Ларций, сын Квинта, триба Квирина, Эврипиан
Тит Флавий, сын Тита, триба Палатина, Пизон ¹⁰.

Адресатами обоих императорских писем являются прокураторы провинции Мавретании Тингитаны, из которых первый — Койэдий Максим — датируется по другим данным 168 г., а адресат второго — Валлий Максимиан — упомянут еще в надписи CIL, II, № 1120. Эпидий Квадрат должен быть видимо помещен между ними. Лицо, которому даровано римское гражданство в обоих письмах носит имя Юлиана и поскольку оба текста разделяет не более десятилетия, воспроизведены же они на одной таблице, не представляется невозможным предположить, что в обоих случаях речь идет об одном и том же человеке. Но так как в первом письме о нем говорится как о пребывающем в числе *primoribus popularium suorum* (стк. 5 сл.) и отсутствует его родовое имя, а во втором он поименован *princeps gentium Zegrensiuum* (стк. 15 сл.) и снабжен — в архивной выпис-

⁸ Это консульство приходится на 177 г. Марк Педуцей Плавций Квинтилий, сын Плавция Квинтилия, консула 159 г., и сестры императора Луция Вера — Цефония Фабии. В 193 г. он был авгуром и консуляром. CIL, 631 = ILS, 5084; CIL, XIV, 328 = ILS, 7022; CIL, XV, 7360.

⁹ *Tributum* вообще взимался лишь с перегринов, римские граждане и италики были освобождены от него со 167 г. до н. э. Но это, как мы видим, не означает, что приобретшие гражданство перегрины освобождались от уплаты налогов. Об этом свидетельствует не только *Tabula Banasitana*, но и ряд других ранее известных документов. См. А. Б. Р а н о в и ч, Эдикт Каракаллы о даровании римского гражданства населению Империи, ВДИ, 1946, № 2, стр. 79 сл.

¹⁰ Эти 12 подписей принадлежат членам императорского совета (*consilium principis*) — шесть сенаторов консуляров и шесть лиц всаднического сословия, включая префекта претория М. Бассея Руфа (169—172) и юрисконсульта Цервидия Сцевола. Таков же численно был и состав совета императора Каракаллы, судя по надписи из Дмеира. Ср. S h e r w i n - W h i t e, ук. соч.

ке — родовым именем Aurelius, то автор пространного исследования об эдикте Каракаллы и о даровании римского гражданства в свете данных Tabula Banasitana и некоторых других североафриканских эпиграфических документов — А. Н. Шервин-Уайт¹¹ допускает, что во втором письме речь может идти о сыне того Юлиана, который упомянут в письме первом, тем более что в одном случае жена Юлиана зовется Зиддина, а в другом — Фаггура. Несколько разнятся также и имена их детей.

Допустимо, впрочем, и предположить, что перед нами в обоих случаях фигурирует один и тот же Юлиан, получивший возможность, в связи с приобретением достоинства principis gentium, добиться пожалования римского гражданства даже и для своей второй жены и для детей от нее, поскольку многоженство засвидетельствовано у североафриканских племен (например у насамонов на Сирте — Herod., IV, 172) и для доисламских времен.

К тому же в надписи из Банасы говорится недвусмысленно о том, что римское гражданство предоставляется людям из таких племен только за особые заслуги перед римским государством (сткк. 3—5). Отсюда следует, что по крайней мере до конца II в. римское гражданство предоставлялось лицам из варварских племен, находившихся в пределах империи, с очень большим выбором — лишь тем из них, кто занимал выдающееся политическое положение в племени и активно сотрудничал с римской провинциальной администрацией (и их ближайшим родственникам). Все же прочие их соплеменники оставались вне рамок римского гражданства.

Можно было бы думать, что практика дарования римского гражданства жителям пограничных провинций претерпела определенные изменения в связи с обнародованием эдикта Каракаллы (в 211/212 г.) о распространении римского гражданства «на все население», как то и утверждалось на основании свидетельств Кассия Диона (LXXVII, 9), Ульпиана (Dig. I, 5, 17) и SHA (X, 1 (2))¹².

Однако опубликование найденного в 1910 г. Гиссенского папируса № 40, содержащего, как полагают, отрывок греческого перевода эдикта Каракаллы, сразу же заставило многих исследователей прийти к заключению, что утверждения названных выше источников не должны быть понимаемы совершенно буквально, поскольку в тексте Гиссенского папируса содержалось, по-видимому, какое-то прямое ограничение в отношении дедитициев:

6 [.....] ὁσαύτως εἶν ὁ[π]εὶς ἐλθ[ω]σιν εἰς τοὺς ἐμοὺς ἀν[θ]ρώπους

7 [.....] τῶν θεῶν συνεπενεργ[ο]ίμι, δίδομι τοῖ[ν]ον ἅπα-

8 [σιν]..... τ]ῆν οἰκουμένην πολι[τ]εῖαν Ῥωμαίων [μ]έροντος

9 [.....] ἄτων χωρ[ι]ς τῶν [δ]εδιτικιῶν. Ο[φ]εῖλει [γ]ίγρ το...

Смысл этих четырех сильно поврежденных, но и наиболее существенных для понимания эдикта о даровании римского гражданства строк, в самой приблизительной передаче, таков: «...[Ради] допущения [к совместному почитанию римских] богов тех [лиц], кои вошли в число моих людей,

¹¹ Sherwin-White, ук. соч., стр. 88.

¹² Речь идет не только об исторических трудах, но также и об общих работах по истории римского права. Так, М. Казер (M. Kaser, Das römische Privatrecht, I, München, 1955, стр. 143 сл. и 243) принимает всеобщее распространение действия эдикта в том числе и на дедитициев, полагая, что отмеченное в нем ограничение имеет в виду что-либо, помимо прав гражданства, без которых после 212 г. оставалась лишь определенная категория отпущенников, лишенная их в свое время, согласно закону Элия — Сенция (ср. Cai., I, 26). За ним следует и Г. Дуйкейт (G. Dulckeit, Römische Rechtsgeschichte, München — В., 1957, стр. 189). Близок к подобному пониманию также и Ф. Де Мартино (F. de Martino, Storia della Costituzione Romana, IV, 2, Napoli, 1965, стр. 694 сл.).

я, таким образом, жалую всему населению римское гражданство, с сохранением общинного [права], кроме дедитициев». Такое понимание этого места эдикта Каракаллы представлялось тем более обоснованным, что сохранение варварских политических установлений (т. е. каких-либо форм гентильной организации) для тех или иных общин при включении их в состав империи было делом довольно обычным, как можно теперь убедиться и на примере *Tabula Banasitana*, ибо сохранение гентильных прав и установлений за принятым в римское гражданство *princeps*'ом североафриканского племени зегрензов и за его родственниками звучит также и в надписи из Банасы (*civitatem romanam, salvo iure gentis, dare* — стк. 12). Отсюда следует, что эти племенные права имели силу и до дарования их обладателю римского гражданства¹³.

В советской исторической литературе еще в 1946 г. появились две работы, в которых проблемы, связанные с эдиктом Каракаллы 212 г., в свете различных прочтений Гиссенского папируса и его последующих толкований, представлены полно и глубоко, равно как рассмотрены и параллельные эпиграфические данные о дедитициях (германцах, кельтах, даках и др.), живших в римских провинциях, расположенных у рейнско-дунайского лимеса¹⁴. Исследование А. Б. Рановича, в отношении восстановления и истолкования приведенных выше строк Гиссенского папируса основанное на широком сравнительном анализе исторических данных о положении зависимого населения римских провинций, во многих отношениях предвосхитило результаты позднейших работ в этой области, опирающихся также и на некоторые факты, в 40-е годы остававшиеся еще не известными.

Известно, что уже в древности понятие «дедитиции» включало в себя широкий круг перегринов, принадлежавших преимущественно к сельскому населению провинций и именовавшихся *barbari dediticii*¹⁵ или *peregrini dediticii*. К числу последних С. Шенбауер относил значительную часть провинциального сельского населения, а именно всех тех, кто не попадал под понятие *socii* или *foederati*. Эти перегрины-дедитиции соответствовали категории *отжочо* авторов римского времени, писавших по-гречески (*Dio Cass.*, 38, 36, 5)¹⁶. Используемый Шенбауером для подкрепления этого мнения материал преимущественно малоазийско-сирийского происхождения убеждает в значительном единообразии правового положения сельских жителей этих провинций. В частности, весьма показательны данные, представленные папирологической находкой в Дуре-Европос (pap. Dura 101), относящейся к III в., т. е. ко времени после Каракаллы, из которой явствует, что хотя городское население Дуры обратилось в Аврелиев, т. е. приобрело римское гражданство, сельское население продолжало оставаться вне гражданства¹⁷.

¹³ См. Sherwin-White, ук. соч., стр. 96. Слова эдикта о «сохранении всех прежних политических установлений» необходимо понимать прежде всего в том смысле, что ими консервировались социальные и правовые установления различных категорий городских общин перегринского права (с локальной автономией), которые не должны были смешиваться с установлениями римских (или латинских) колоний и муниципий. Ср. A. Verger, *Encyclopedic Dictionary of Roman Law*, Philadelphia, 1953, стр. 409.

¹⁴ Ранович, ук. соч.; Е. М. Штаерман, К вопросу о дедитициях в эдикте Каракаллы, ВДИ, 1946, № 2, стр. 81—88.

¹⁵ См. H. Hénne, *La papyrologie et les études juridiques*, «Publications de l'Institut de Droit romain de l'Université de Paris», 6, 1950, стр. 77 сл.

¹⁶ S. Schönbaueг, *Deditizier, Doppelbürgerschaft und Personalitätsprinzip*, JJP, 6, 1952, стр. 17 сл.

¹⁷ C. B. Welles, *The Population of Roman Dura*, «Studies in Roman Economic and Social History in Honour of A. C. Johnson», Princeton, 1951, стр. 251. Необходимо, впрочем, отметить, что М. И. Ростовцев полагал, будто свободное население самой Ду-

Обильный папирологический материал, происходящий из Египта, свидетельствует о том, что картина правового положения местного населения здесь оказывалась более сложной, чем, может быть, в некоторых других провинциях. Еще из переписки Плиния Младшего с Траяном [X, 6] видно, что ни один египтянин не мог приобрести римское гражданство, минуя автономное гражданство Александрии (а вероятно также и других городских общин с греческим и грецизированным населением). Это же обстоятельство подчеркивает и Иосиф Флавий (С. Арion. 2, 41). Папирологические же и эпиграфические данные показывают, что население Египта разделялось в правовом отношении на *ἐπιχρημένοι*, а также *οἱ ἀπὸ γυναικῶν* (людей, прежде всего обладавших знанием греческого языка и греческой грамоты, из числа которых могли избираться местные магистраты и которые в правовом отношении должны были приравниваться к гражданам латинского права), и на резко отличавшееся от этой категории сельское население: *λαοὶ* или *λαογραφούμενοι*, к которым отчасти относились также и жители городских общин, не входившие в число *ἐπιχρημένοι* и, стало быть, как и сельское население, принадлежавшие к числу peregrinorum-дeditициев.

Принимающий в основных чертах подобное разделение египетского общества, В. Араччо-Руиз сопоставляет наименование *peregrini dediticii* с греческим термином *ἀλόγοι* (по Вилькену, соответствует египетским *λαογραφούμενοι*)¹⁸. О том, что правовые градации юридически свободного населения, близкие засвидетельствованным для Египта, следует предполагать и для некоторых других провинций, позволяет заключить сообщение Страбона о «комполитах» (т. е. о людях, занимающих как бы промежуточное положение между жителями ком и городских общин, — Strabo, XII, 2, 6), которые, по мнению Шенбауера¹⁹, подобно египетским *ἐπιχρημένοι*, уже не относились к числу peregrinorum-дeditициев, представляя собой некую местную социальную элиту, соответствующую тем провинциалам, которых Гиссенский папирус № 40 именуется от лица императора Каракаллы *οἱ ἐμοὶ ἄνθρωποι* (т. е. тем, кого он готов был включить в число римских граждан²⁰).

Изложенные соображения были еще и до опубликования надписи из Банасы в значительной мере ясны многим ученым, предложившим в связи с этим ряд дополнений строки 9-й Гиссенского папируса № 40, сближающихся между собой существенным образом, несмотря на некоторую разницу в обозначениях тех правовых категорий, о которых шла речь и в этом пассаже эдикта Каракаллы. Поскольку представлялось ясным, что слово *μῆνοντος* обозначало сохранение неких юридических (или бытовых) институтов или состояний, то следующая за ним лакуна заполнялась или как *[παντός γένους συστημάτων]*²¹ («всякого рода гражданских объединений»), или *[ἔξω οὐδενός τῶν πολιτευμάτων]*²² («без каких-либо местных гражданских установлений»), или же *[αὐτοῖς τοῦ*

ры далеко не все было принято в римское гражданство даже и по опубликовании эдикта Каракаллы (Excavations at Dura Europos. Preliminary Report, New Haven, 1936, стр. 57).

¹⁸ V. A r a c c h i o - R u i z, *Instituzioni di diritto romano*, Napoli, 1946, стр. 56. Ср. U. W i l k e n, *Grundzüge und Chrestomathie der Papyruskunde*, I, 1, Hildesheim, 1963, стр. 58 и 201 сл.

¹⁹ E. S c h ö n b a u e r, *Die rechtliche Stellung der Metropoleis im römischen Aegypten*, «Epigraphica», XI, 1949 (1951), стр. 155 сл.

²⁰ Ср. Р а н о в и ч, ук. соч., стр. 77.

²¹ F. M. H e i c h e l h e i m, *The Text of the Constitutio Antoniniana...* in *Pap. Gissensis 40*, JEA, 26, 1940, стр. 10 сл.

²² J. K e i l, *Zum Text der Constitutio Antoniniana*, «Anzeiger der Wiener Akademie», 85, 1948, стр. 143 сл.; A. W i l h e l m, *Die Constitutio Antoniniana*, AJA, 38, 1934, стр. 178 слл.

δικαίου ἀξιωμάτων²³ («правовых состояний»), или, наконец [οὐδενὸς ἀνευ τῶν δικαιωμάτων²⁴ («никого вне правовых состояний»), а то и [παντός γένους πολιτευμάτων²⁵ (т. е. «всех категорий гражданских общин») или [κυρίου παντός νόμου ταγμάτων²⁶ («всякого рода правовых объединений»). Как явствует из сопоставления всех этих прочтений сткк. 8—9 Гиссенского папируса, несмотря на некоторые различия терминологического и фразеологического характера, все они имеют в виду или сохранение гентильных прав за лицами, подпадающими под действие эдикта Каракаллы, или же уничтожение их в связи с принятием римского гражданства. Поскольку многие данные заставляют настаивать именно на сохранении гентильных прав, при документально доказанном существовании «двойного гражданства» в Римской империи, этого рода прочтение принимает и Шервин-Уайт, у которого сткк. 8—9 выглядят так: μένοντος πάντων πολιτευμάτων χωρὶς τῶν δεδεικτιῶν²⁷.

Исследование Шервин-Уайта²⁸, основанное на эпиграфическом материале, происходящем из Северной Африки, еще не известном в то время, когда были опубликованы остальные названные выше работы, подтверждает высказанные в них соображения о том, что и после обнародования эдикта Каракаллы основная масса дедитициев, находившихся в пограничных провинциях, действительно оставалась вне римского гражданства.

О сохранении прежней практики дарования римского гражданства свидетельствует небольшая серия латинских надписей из Волубилиса (совр. Мулай-Идрис), датирующихся от 173 до 280 г., с упоминанием вождей племени бакватов (Baquates), из которых лишь немногие, судя по их родовым именам (Элии и Аврелии) были обладателями римского гражданства. Надписи эти (несколько более десятка — неточность счета объясняется плохой в нескольких случаях сохранностью) — вотивные. Они исполнены на каменных алтарях²⁹, иногда именуемых в надписях ага расис, и соответственно сообщают о соглашениях (colloquium'ax) между прокураторами провинции Мавретании Тингитаны и вождями племени бакватов о поддержании мирных отношений (для чего употребляются выражения: *rax, rax diutina, rax foederata*).

Как уже было только что отмечено, политический статус этого племени (внутригосударственный, с точки зрения римской провинциальной администрации) характеризуется этими надписями для длительного периода времени (немногим более сотни лет), не обнаруживая каких-либо перемен. Согласно им во главе племени стояли (как и у зегрензов) *principes consti-*

²³ Э. Шенбауэр в упомянутой выше работе в JJP, XV, 1965, стр. 329 сл. Ранее это восстановление принял В. Сестон в названной выше публикации в CRAI, 1961, стр. 317 сл.

²⁴ D. Magie, Roman Rule in Asia Minor, Princeton, I, 1950, стр. 687; II, стр. 1555 сл.

²⁵ E. Kornemann, P. M. Meyer, Griechische Papyri zu Giessen, fasc. 2, Giessen, 1914, стр. 43.

²⁶ H. I. Wolff, Zwei Miscellen, Eos, 48, 1, 1956 (Symbolae Taubenschlag), стр. 367 сл.

²⁷ Попытки восстановления текста Гиссенского папируса № 40 (и в особенности той его части, где идет речь о пожаловании римского гражданства), производившиеся учеными разных стран на протяжении более чем пяти десятилетий, вообще достаточно разнообразны и разнохарактерны, в особенности по той причине, что некоторые из них основываются более на чисто филологических, чем на исторических соображениях. Сопоставленные же нами выше восстановления соответственных строк Гиссенского папируса основываются на фундаментальных исследованиях социально-правового положения различных категорий населения Римской империи.

²⁸ Sherwin-White, ук. соч., стр. 90 сл.

²⁹ E. Frézouls, Les Baquates et la province romaine de Tingitane, «Bulletin d'Archéologie Marocaine», 2, 1957, стр. 65 сл.

tuti, т. е. вожди, утвержденные римской администрацией. Они-то на протяжении всего указанного времени (вероятно, так же как и у зегрензов, вкупе с ближайшими сородичами) и были обладателями римского гражданства, но и только они одни — как до, так и после эдикта Каракаллы.

Из четырех случаев явного наличия у племенных принцепсов бакватов римского гражданства, два относятся ко времени до издания эдикта (время Антонина Пия и Коммода, к которому принадлежат Элий Токкуда и Аврелий Конарта) и два — после эдикта: к этому времени относятся посвящения двоих Юлиев, сделанные при императоре Пробе (277—288 гг.).

Что касается географического положения племени бакватов, то оно определяется как местом находки надписей, так и указанием Юлия Гонория (Geogr. Lat. min., p. 53) — в западной части провинции Мавретании Тингитаны³⁰.

Сохранение в III в. тех же самых политических условий приобретения варварами-провинциалами римского гражданства, что и во времена, предшествующие эдикту Каракаллы, провозгласившему (соответственно восстановлению П. М. Мейера и В. Сестона) дарование права гражданства «всем перегринам» (ἀπασίν ξένοις) следует, очевидно, объяснять именно принадлежностью их, с точки зрения римского права, к категории собственно дедитициев.

Однако цитированный выше текст Гиссенского папируса № 40, оставляет, если в него вдуматься, возможность для совершенно иного, и как кажется, не менее правдоподобного истолкования этого места греческого перевода эдикта, а именно, если отнести слова χωρὶς τῶν [δε]δαιτικίων не к π[ολι]τεῖαν Ῥωμαίων, а к μ[ε]νοντος [... .. πολιτεμ]άτων, то в этом случае речь шла бы вовсе не об исключении дедитициев из римского гражданства, а лишь о сохранении (или несохранении) за ними каких-то прежних гентильных прав³¹. Впрочем, может быть, даже и совсем не это

³⁰ Географическое положение зегрензов может быть локализовано с меньшей определенностью, чем положение бакватов, но, видимо, они жили на территории той же провинции, поскольку римское гражданство даровалось их вождям без освобождения от уплаты податей, налагавшихся на провинциалов (стк. 37).

³¹ Дедитиции эпохи Римской республики в некоторых случаях, видимо, сохраняли те или иные из своих гентильных установлений, как об этом можно судить по фактам признания за дедитициями-фалисками в III в. до н. э. и за лигурийскими стателлатами во II в. до н. э. элементов их племенного устройства. Что касается дедитициев императорского времени, в число которых попадали захваченные в результате войны или предавшиеся римлянам по собственной воле германо-сарматские, африканские и иные племена, то они, будучи используемы на императорских или частновладельческих землях в качестве колонов, иногда даже с обязательством нести военно-пограничную службу, имели не всякий раз одинаковый социальный и политический статус, но также видимо сохраняли в известных случаях свою гентильную организацию (Л. А. Ельницкий и др., Возникновение и развитие рабства в Риме, М., 1964, стр. 139 слл.). Что же касается дедитициев эдикта Каракаллы (а термин этот, употребленный в Гиссенском папирусе, несомненно фигурировал и в латинском оригинале эдикта), то, например, М. И. Ростовцев (M. Rostovtzeff, Gesellschaft und Wirtschaft im römischen Kaiserreich, II, Lpz, 1930, стр. 342 слл.) не считает возможным определить сколько-нибудь точно его юридический и социальный смысл. Следует думать, что это наименование применялось не только к пограничным племенам, но и, как показывают привлеченные выше фактические данные, довольно широко вообще к сельскому населению провинций (в особенности пограничных). Тем более, что в императорское время, по-видимому достаточно устойчиво бытовал термин peregrini dediticii, употреблявшийся, как кажется, в еще более широком смысле. Возможно поэтому, что в эдикте Каракаллы он как раз и фигурирует вследствие возможности его довольно свободного приложения к сельскому населению внеиталийских стран, входивших в состав империи. Г. Вольф в своей диссертации «Die Constitutio Antoniniana und Papyrus Gissensis 40, I, 1» (см. R o s e n в «Spomol», 50 (1973), Ht. 3, стр. 287—293) полагает, что эдикт Каракаллы, распространивший римское гражданство преимущественно на те категории перегринов, которые им уже фактически обладали, не изменил положения вещей в пограничных областях. Вообще, он склонен рассматривать этот эдикт в качестве посредствующего этапа в истории империи на пути эволюции от гражданства к подданству.

является наиболее существенным обстоятельством, почерпаемым из данного пассажа Гиссенского папируса. Дело в том, что как бы ни восстанавливать и ни толковать полученный в результате дополнения утраченного места текст, во всех случаях речь должна идти о каких-то *политеуматах* (*δικαιοματα, συστιματα*), т. е. об установлениях общин городского, а не сельского типа, чем из категории эвентуальных римских граждан сразу же исключалось бы сельское население провинций — как не организованное в общины городского (муниципального) типа (*политеумата*) и лишенное, таким образом, элементов гражданского самоуправления (а как было показано, в отношении состава этих общин необходимо думать прежде всего о лицах, причастных к латинской или греческой культуре). Этим, вероятно, приходится объяснять и единодушие древних источников в их мнении о даровании римского гражданства всему населению империи (уже обладавшему тем или иным видом гражданской организации). Сельское же население ввиду его зависимого положения и культурного отчуждения, подведявшего его именно под категорию дедитициев вообще, с точки зрения возможности принадлежности к гражданству в расчет не принималось. Это-то, должно быть, и имеет в виду эдикт Каракаллы под именем дедитициев. Странно было бы, если бы такая довольно общая оговорка (после *μείνοντος [ἀπάντων πολιτευμάτων]*) имела бы в виду одни лишь, не столь уже значительные по числу, пограничные варварские племена, продолжавшие пользоваться гентильным правом.

Л. А. Ельницкий

THE EDICT OF CARACALLA ON ROMAN CITIZENSHIP
AND THE *TABULA BANASITANA*

L. A. Yelnitsky

Resting his argument on a comparison of the text of the *Tabula Banasitana* and *Pap. Gissensis* 40, the author puts forward the hypothesis that the *Constitutio Antoniniana* barred from eventual Roman citizen rights the rural population in the provinces as being persons not organised in *politeumata* and therefore lacking the elements of citizen autonomy. It was indeed this population which, in the author's opinion, made up the category of *dedititii*.